

12+

РЭН ТАКЭЯМА

РЕКА, КОТОРАЯ ПОМНИТ ИМЕНА

РЕКА, КОТОРАЯ ПОМНИТ ИМЕНА

РЭН ТАКЭЯМА

Иногда, чтобы отпустить прошлое,
нужно вспомнить каждое имя.

Рэн Такэяма

Река, которая помнит имена

<https://litres.ru/74225504>

ISBN 9785007039628

Аннотация

«Река, которая помнит имена» — философское фэнтези в атмосфере восточной притчи о памяти и забвении, о выборе и судьбе, о том, кем становится человек, когда перестаёт искать ответ на вопрос «кто я?» и начинает понимать, зачем он живёт.

Содержание

Часть I — Долина спящих облаков	5
Глава 1. Дом, который переставлял комнаты	5
Глава 2. Старик, продававший утренний туман	12
Глава 3. Чай из листьев, упавших до осени	20
Глава 4. О чём молчат карпы в сезон дождей	29
Глава 5. Девочка, разговаривавшая с ветром через бамбук	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Река, которая помнит имена

Рэн Такэяма

© Рэн Такэяма, 2026

ISBN 978-5-0070-3962-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I — Долина спящих облаков

Глава 1. Дом, который переставлял комнаты

Утром дом снова поменял комнаты местами.

Господин Ли понял это не сразу. Сначала он проснулся от запаха жареного кунжута, хотя всегда держал кухню в восточной части дома, подальше от спальни. Потом услышал воду — не журчание чайника, а глубокое, медленное капанье из внутреннего двора. Наконец, когда он открыл дверь, вместо узкого коридора увидел комнату своей покойной матери.

Окно было раскрыто. Белая занавеска дышала утренним ветром. Сквозь него проникал нежный свет, окрашивая комнату в мягкие, золотистые тона. Воздух был свеж и прохладен, наполненный ароматом росы и пробуждающейся зелени. Где-то вдалеке слышалось пение птиц, их трели сливались в мелодичную симфонию нового дня.

Господин Ли постоял на пороге, держась рукой за косяк.

Дом делал так уже много лет, и всё же первое мгновение всегда вызывало у него лёгкую пустоту под рёбрами — словно он случайно наступал на ступеньку, которой не было.

Он вошёл.

Комната пахла сушёными грушами и старым деревом. На столике у окна лежали очки матери, хотя она умерла семь лет назад, в сезон особенно долгих дождей. Очки появлялись редко. Обычно дом оставлял их у себя. Иногда, в тишине, когда ветер шелестел за окном, казалось, что они тихонько звенят, словно напоминая о забытых историях и невысказанных словах. Они были не просто предметом, а якорем, связывающим настоящее с прошлым, осязаемым следом присутствия, которое всё ещё ощущалось в воздухе, смешиваясь с ароматом времени.

— Значит, сегодня ты вспоминаешь её, — тихо сказал господин Ли.

Дом ответил привычным скрипом балок.

За стеной пропел петух соседа. Где-то далеко перекликались торговцы утреннего рынка. Мир снаружи продолжал идти своим путём, словно не существовало ничего странного в том, что старый дом по ночам переставлял комнаты. Лишь

ветер, проникая сквозь щели в ставнях, шептал о неведомых перемещениях, о том, как скрипят половицы под невидимыми шагами, и как тени танцуют в углах, следуя за призрачным расположением мебели.

В деревне давно перестали этому удивляться.

Когда-то, много лет назад, люди приходили посмотреть. Они входили осторожно, как в храм, и шёпотом спрашивали:

— Это правда?

Но дом в те дни вёл себя тихо и неподвижно, будто стеснялся чужих глаз. Только ночью менял кладовую на спальню или прятал кухню там, где утром должна была быть лестница.

Со временем любопытство исчезло.

В деревне говорили:

— Некоторые дома стареют, как люди. У каждого свои привычки. Один дом, как мудрый старец, хранит в себе истории поколений, его стены шепчут о прошлом. Другой же, как юноша, еще полон сил, но уже носит на себе следы времени, как первые морщинки.

Господин Ли накинул серый халат и отправился искать кухню. Это требовало терпения.

Никогда нельзя было искать комнату напрямую. Если думать: «Где кухня?» — дом начинал путать проходы ещё сильнее. Поэтому господин Ли искал иначе. Он шёл туда, где, по его мнению, кухне было бы приятно оказаться сегодня.

В дождливые дни она любила западную сторону. В жару перебиралась ближе к колодцу. По утрам после сильного ветра часто пряталась возле комнаты с книгами, словно хотела послушать шелест страниц.

Дом не любил прямоты. Всё прямое казалось ему грубым. Он предпочитал изгибы, плавные переходы, мягкие линии, которые ласкали взгляд и успокаивали душу. Этому господин Ли научился давно — ещё от матери.

«Вода никогда не ищет воду, — говорила она. — Поэтому всегда её находит».

Он повернул за угол и действительно увидел кухню. Она располагалась там, где вчера была комната для гостей. Медный чайник уже тихо дышал паром. На столе лежали два персика. Господин Ли остановился.

Два персика.

Он жил один.

Некоторое время он смотрел на них, потом медленно сел.

За окном качался бамбук. Тени листьев скользили по полу, как рыба чешуя под водой. Тихий шелест проникал сквозь стекло, словно дыхание спящего леса. В воздухе витал едва уловимый аромат влажной земли и чего-то неуловимо сладкого, напоминающего о прошедшем дожде.

— Значит, кто-то придёт, — сказал он.

Дом погрузился в тишину. И лишь с южной стороны прозвучал едва слышный хлопок двери.

К полудню начался дождь.

Мелкий, серебристый, почти невидимый. Такие дожди приходили в долину в конце лета и могли идти несколько дней подряд, не усиливаясь и не ослабевая. От них камни темнели, крыши начинали пахнуть мхом, а голоса людей становились тише.

Господин Ли сидел на веранде и чинил старую клетку для сверчков, когда увидел мальчика. Тот стоял у ворот. Худой, промокший, лет двенадцати. В руке — узелок с вещами. Мальчик не стучал. Просто смотрел на дом так, словно пытался вспомнить его из сна.

— Ты заблудился? — спросил господин Ли.

Мальчик покачал головой.

— Тогда чего тебе нужно?

Некоторое время мальчик молчал.

— Моя мать сказала, что ваш дом иногда пускает тех, кому больше некуда идти.

Дождь тихо шелестел в листьях хурмы. Эти мягкие, чуть влажные звуки, словно шепот самой природы, проникали сквозь открытое окно, принося с собой прохладу и умиротворение. Небо, затянутое пепельными облаками, обещало долгие часы освежающей влаги, которая так необходима подсохшей земле.

Господин Ли посмотрел на дом. Старые балки чуть слышно скрипнули. Каждый скрип, каждый шорох были для него

знакомы, как мелодия, как дыхание.

Где-то внутри медленно передвинулась одна из стен.

Глава 2. Старик, продававший утренний туман

Мальчика звали Юн.

На следующее утро господин Ли узнал это случайно — не потому, что спросил, а потому, что дом прошептал имя сквозь щели пола. Так иногда бывало.

Дом не умел говорить человеческим голосом, но любил имена. Он долго хранил их внутри своих стен, как дерево хранит запах дождя. Если человек оставался под его крышей хотя бы одну ночь, балки начинали помнить его дыхание, шаги, кашель и имя.

Юн проснулся раньше рассвета. Воздух в комнате был плотен и неподвижен, словно застывшая смола, но для Юна он был полон предчувствий, сотканных из неведомых нитей.

Господин Ли слышал, как мальчик осторожно ходит по дому, пытаясь не тревожить половицы. Но скрыть что-либо от старого дома было невозможно. Тот отвечал на каждый шаг тихими вздохами дерева.

Когда господин Ли вышел во двор, Юн уже сидел у колод-

ца и смотрел на туман. Он лежал над землёй низко и густо, словно ночью река вышла из берегов и забыла вернуться обратно.

— Сегодня его много, — сказал мальчик.

Господин Ли кивнул.

— Значит, старик Чэнь снова будет торговать удачно.

Юн повернул голову:

— Кто?

Но господин Ли уже ушёл ставить чайник. Старик Чэнь приходил в деревню только в такие утра — когда воздух был тёплым, но не холоден, когда туман, словно одеяло старого колдуна, укутывал покосившиеся крыши, и только петушиные крики, пронзающие эту молочную пелену, напоминали о том, что жизнь ещё теплится.

Никто не знал, где он живёт. Одни говорили — высоко в горах, где сосны растут прямо из камня. Другие — что у него вообще нет дома и он ночует там, где задерживается туман.

К полудню его невозможно было найти. Но на рассвете он

всегда появлялся на рынке.

Господин Ли и Юн вышли из дома, когда колокольчики у лавок только начинали звенеть от ветра. Деревня медленно проступала из белёсой дымки: крыши, фонари, мокрые ветви сливовых деревьев.

Юн всё время оглядывался.

— Почему кажется, будто улицы длиннее, чем вчера?

— Потому что в тумане вещи вспоминают, какими были раньше, — ответил господин Ли.

Мальчик хотел спросить что-то ещё, но передумал. Мир вокруг него, и без того туманный, стал ещё более размытым, будто кто-то залил картину акварелью, превратив чёткие линии в акварельные кляксы.

На рынке уже собирались люди.

Женщина с корзиной каштанов раскладывала товар на ткани цвета выцветшего граната. Рыбак дремал возле ведра с сонными карпами. Из лавки травника тянуло горечью сушёных корней.

А в самом конце улицы сидел старик Чэнь. Взгляд старика, устремлённый куда-то вдаль, сквозь пелену утреннего тумана, казался исполненным глубокой мудрости и невыразимой печали.

Перед ним стояли десятки стеклянных бутылочек. В каждой был туман. Не дым. Не пар. Именно туман — живой, медленно движущийся внутри стекла. Где-то белый, как рисовая бумага, где-то серебристый с голубоватым оттенком, а в некоторых бутылках густой и тёмный, словно утро перед бурей.

Юн остановился.

— Как он это делает?

— Если спросишь, он продаст тебе неправильный ответ,
— сказал господин Ли.

Старик Чэнь был таким старым, что казалось, будто его лицо вырезано из коры дерева. Брови у него росли длинными белыми нитями почти до подбородка. Он сидел неподвижно, прикрыв глаза, словно спал.

Но когда они подошли ближе, он произнёс:

— Сегодня твой дом переставил северную комнату к саду.

Господин Ли вздохнул.

— Ты опять подслушиваешь ветер.

— Ветер болтливее людей.

Юн осторожно разглядывал бутылки. На каждой висела тонкая бумажная полоска с надписью кистью.

«Туман для забывания».

«Туман ранней весны».

«Туман, помогающий вернуться».

«Туман для тех, кто слишком много думает».

— Их правда покупают? — шёпотом спросил мальчик.

Старик Чэнь открыл один глаз.

— Только глупцы покупают туман, — сказал он. — Умные люди покупают то, что туман забирает.

Он протянул Юну маленькую бутылочку.

Внутри медленно клубилась почти прозрачная дымка.

— А это что?

— Туман без сожалений.

— И что он делает?

Старик пожал плечами.

— Если бы люди знали это заранее, никто бы его не брал.

Юн посмотрел на господина Ли, но тот внезапно стал очень внимательно рассматривать небо. Шум города, обычно наполнявший этот тихий уголок, казалось, притих, уступая место давящей тишине.

Мимо прошла женщина в синем плаще и купила бутылочку «для спокойного сна». Молодой торговец рисом долго выбирал между «туманом ясной памяти» и «туманом удачной дороги».

Никто не удивлялся.

Только Юн смотрел на всё широко раскрытыми глазами — так смотрят дети, ещё не решившие, где проходит граница между чудом и привычкой.

Старик Чэнь вдруг наклонился к нему:

— А ты от чего бежишь?

Мальчик вздрогнул.

— Я не...

— Люди приходят в долину только по двум причинам, — спокойно сказал старик. — Либо ищут что-то. Либо хотят, чтобы их перестали искать.

Туман между лавками дрогнул под порывом ветра и медленно пополз вдоль берега, цепляясь за мокрые доски и пустые корзины. Между редкими тёмными силуэтами рыбацких лодок, привязанных к покосившимся причалам, бесшумно скользили тени. Они не были похожи ни на людей, ни на отражения. Скорее — на воспоминания о движении, которые почему-то не исчезли вместе с теми, кто их оставил. Иногда казалось, что одна из теней вот-вот ступит на доски причала, но в следующий миг она уже растворялась в тумане, будто сама ночь забывала, что собиралась показать.

На одно короткое мгновение Юну показалось, что внутри белёсой дымки кто-то стоит. Высокая фигура. Неподвижная настолько, что её можно было принять за часть тумана, если бы не ощущение взгляда. Она смотрела прямо на него. Не угрожающе. Не настороженно. Слишком спокойно для чего-то человеческого. Будто существо в тумане не искало Юна, а давно уже знало, что он придёт сюда именно в этот миг. Юн моргнул. И фигура исчезла. Но пустое место, где она стояла, ещё несколько секунд казалось темнее остального тумана.

Старик Чэнь тихо закупорил одну из бутылок.

— Сегодня туман беспокойный, — сказал он. — Значит, горы кого-то запоминают.

Глава 3. Чай из листьев, упавших до осени

На третий день Юн заметил, что в долине время движется неровно. Не так, как в больших городах, где утро всегда наступает после ночи, а понедельник неизбежно тянет за собой вторник. Здесь время текло, как горная вода: иногда быстро, иногда почти незаметно, а иногда возвращалось туда, где уже было.

Особенно это чувствовалось по утрам. В тот день воздух пах поздней осенью, хотя стояло лето. Ветер носил по двору сухие листья клёна, жёсткие и ломкие, будто они пролежали под холодным небом не меньше месяца.

Юн поднял один лист. Он был красным. Совсем осенним. Его прожилки напоминали тонкие нити, сплетенные самой природой. Легкий ветерок коснулся его, и лист затрепетал, словно прощаясь с веткой, с которой только что сорвался.

Мальчик нахмурился и посмотрел на деревья вокруг дома. Они стояли зелёные, полные сока и света. В их кронах, казалось, таились древние истории, шепчущие на языке ветра. Каждый лист, трепещущий на ветру, был словно маленькое сердце, бьющееся в унисон с природой, а стволы, покры-

тые мхом, хранили память о минувших временах, о солнечных днях и прохладных дождях.

— Не ищи объяснение слишком быстро, — сказал господин Ли, выходя во двор с бамбуковой корзиной. — Иначе найдёшь неправильное.

Юн показал ему лист:

— Почему они опадают сейчас?

Господин Ли долго рассматривал прожилки листа.

— Иногда дерево устаёт от будущего раньше времени.

И пошёл к калитке.

После завтрака они отправились вверх по тропе, ведущей к северному склону. Небо было белёсым, словно выцветшим от света. Вдалеке перекликались невидимые птицы. Воздух был прохладным и влажным, с едва уловимым запахом хвои и прелой листвы. Под ногами шуршал опавший мох, а редкие солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны деревьев, рисуя на земле причудливые узоры. Тишина леса была обманчива — она лишь подчеркивала каждый шорох, каждый треск ветки, каждый вздох ветра.

Юн нёс корзину.

— Мы идём за травами?

— За чаем.

— Но чай растёт ниже, у реки.

— Обычный чай — да.

Тропа становилась всё уже. Корни старых сосен выпирали из земли, как спины спящих животных. Несколько раз Юну казалось, будто между деревьями кто-то идёт параллельно им — тихо, не ломая веток. Воздух здесь был гуще, пропитанный запахом прелой листвы и влажной земли, и каждый шорох, каждый треск сучка под ногой казался оглушительным. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь плотный полог листвы, ложились на землю причудливыми, дрожащими узорами, создавая ощущение таинственности и нереальности. Юн замедлил шаг, прислушиваясь к тишине, которая, казалось, дышала вместе с лесом.

Но стоило посмотреть внимательнее, лес снова становился пустым. Лишь шелест листьев нарушал тишину, словно лес дышал, но не показывал своих обитателей.

Через час они поднялись к маленькой роще клёнов. И здесь уже была осень. Настоящая. Воздух стал гуще, пропитанный терпким ароматом прелой листвы и влажной земли. Солнце, уже не такое жаркое, пробивалось сквозь редяющие кроны, рассыпая по земле золотые блики. Тишина здесь была особенной, наполненной шорохом падающих листьев и далеким криком птиц, собирающихся в стаи. Красные и золотые листья медленно кружились в неподвижном воздухе. Земля была покрыта сухим шорохом. Откуда-то тянуло холодом далёких дождей.

Юн застыл.

Ниже по склону всё ещё сияло лето, разливая по травам золотистые блики и наполняя воздух ароматом нагретых солнцем трав.

Здесь же мир будто шагнул на два месяца вперёд. Солнце, ещё не привыкшее к такому напору, щедро разливало своё тепло, заставляя зелень пробиваться сквозь ещё прохладную землю с невиданной скоростью.

— Как?.. — начал он.

— Горы не любят одинакового времени, — сказал госпо-

дин Ли.

Он присел и поднял несколько листьев. Они были сухими только с виду. На ощупь — странно тёплыми, будто лежали не на холодном камне, а чьей-то ладони. Юн медленно растёр один лист между пальцами. Вместо обычного запаха осени поднялось что-то другое: слабый аромат чернил, сырого дерева и дождя, который идёт перед долгой дорогой.

— Помоги собрать те, что упали сами.

— А если сорвать?

Господин Ли покачал головой:

— Тогда чай получится горьким. Лист должен сам согласиться уйти.

Они собирали листья молча, каждый погруженный в свои мысли.

Юн заметил, что некоторые из них были тёплыми, словно хранили солнечный свет, а другие — холодными, почти влажными, как камни у зимней воды. Он ощутил, как пальцы скользят по гладкой поверхности, будто по отполированному временем стеклу, и почувствовал тонкие прожилки, на-

поминающие корни древних деревьев, вросшие в самую суть предмета. Некоторые казались лёгкими, почти невесомыми, словно сотканными из тумана, другие же обладали весом, который говорил о тысячелетней истории, о том, что они видели смену эпох и поколений.

Когда корзина наполнилась наполовину, мальчик спросил:

— Зачем делать чай из опавших листьев?

Господин Ли улыбнулся.

— Потому что дерево знает о расставании больше человека.

Ветер медленно прошёл сквозь рощу, касаясь верхушек деревьев. Кроны дрогнули одна за другой, словно лес передавал по ветвям какое-то тихое, едва различимое сообщение. Шелест листвы поднялся в воздух и потянулся вслед за ветром — не как звук, а как длинный шёпот, который ночь постепенно уносила всё дальше между деревьями.

На мгновение листья закружились вокруг них так густо, что Юн перестал видеть тропу. В этом красном вихре ему почудились лица — спокойные, полупрозрачные, словно на-

рисованные водой.

Он моргнул.

Листья снова были просто листьями. Только один из них медленно опустился ему на плечо. Совсем чёрный.

— Этот не бери, — тихо сказал господин Ли.

— Почему?

Старик не ответил сразу.

— Некоторые листья падают не от времени.

Обратно они возвращались под вечер, когда солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в багряные и золотистые тона.

Юн всё время оглядывался на рощу. Она постепенно скрывалась в тумане, и вскоре стало невозможно понять, была ли она вообще.

Дома господин Ли долго сушил листья над слабым огнём. В комнате пахло дымом, клёном и чем-то ещё — далёким, почти забытым. Он перебирал их пальцами, чувствуя хруп-

кость и шелест, словно прикасаясь к самой осени. Каждый лист хранил свою историю, свой оттенок золота и багрянца, свою тихую песню ветра, что когда-то колыхал его на ветке.

Когда чай был готов, он разлил его по маленьким чашкам. Напиток оказался прозрачным, с лёгким янтарным оттенком. При первом глотке он приятно освежал, оставляя на языке лёгкую сладость, переходящую в едва уловимую терпкость. Юн сделал глоток. И вдруг ясно вспомнил голос матери. Не слова. Даже не сам голос. А то ощущение, которое возникает у ребёнка, когда его укрывают одеялом во время дождя. Тёплое. Тихое. Непоправимо далёкое.

Мальчик медленно поставил чашку.

Господин Ли смотрел в окно.

— Этот чай не возвращает прошлое, — сказал он. — Он только напоминает, что прошлое всё ещё умеет находить нас само.

Снаружи вечерний ветер тронул колокольчики под крышей, и их мелодичный звон, словно тихий шепот, смешался с шорохом опавших листьев.

И где-то в глубине дома одна из комнат неслышно смени-

ла своё место.

Глава 4. О чём молчат карпы в сезон дождей

Дожди пришли ночью.

Сначала ветер долго ходил вокруг дома, осторожно касаясь ставен и крыши, словно проверял, готовы ли люди внутри к его приходу. Потом в темноте зашуршали листья бамбука. И наконец хлынула вода — ровная, густая, без молний и грома.

К утру долина исчезла.

Мир за воротами растворился в сером дожде. Горы пропали. Тропинки утонули в тумане. Даже ближайшие дома казались смутными пятнами, будто нарисованными мокрой кистью. Воздух стал плотным, влажным, пропитанным запахом мокрой земли и прелой листвы. Звуки приглушились, превратившись в невнятное бормотание стихии. Казалось, само время замедлило свой ход, убаюканное монотонным шумом падающих капель.

Юн сидел у окна и слушал воду. Она тихо журчала, переливаясь через камни, словно шепот древних тайн, доносящийся из глубин времени. Капли, падая с листьев, созда-

вали мелодию, такую же нежную и успокаивающую, как колыбельная матери. В этом звуке было что-то первобытное, что-то, что связывало его с природой, с самим собой. Он закрыл глаза, позволяя потоку унести его мысли прочь, оставляя лишь чистое, безмятежное присутствие.

Ему начинало казаться, что дождь никогда не прекращался и всё прежнее — солнце, пыльные дороги, крики торговцев — просто приснилось кому-то другому.

Дом тоже изменился.

Во время дождей он переставлял комнаты чаще обычного. По ночам Юн просыпался от тихих звуков: скольжения дерева, вздохов старых балок, далёкого стука, будто дом осторожно двигал внутри себя целые коридоры.

Иногда дверь, ведущая вечером в кладовую, утром открывалась в пустую комнату с влажным воздухом и запахом реки.

А однажды Юн увидел за ней длинный тёмный проход, которого в доме не существовало.

Он не решился войти.

На четвёртый день дождя господин Ли сказал:

— Сегодня карпы поднимаются ближе к поверхности.

— И что это значит?

Старик завязал соломенный плащ.

— Они начинают слушать.

Юн не стал спрашивать дальше.

Они пошли к реке, где вода тихо журчала, отражая в себе бездонное небо.

Дождь висел в воздухе плотной серебряной сетью. Ветки слив склонялись почти до земли. Вода стекала с крыш непрерывными нитями. Капли барабанили по листьям, создавая приглушенный, убаюкивающий шум. Воздух наполнился запахом мокрой земли и свежести.

У самой реки стоял старый рыбак У.

Он сидел под навесом из тростника и смотрел в воду, где медленно проплывали тени облаков, отражаясь в зеркальной глади.

Перед ним лежала удочка, но крючок был сухим. Воздух был густым и влажным, пахнущим речной тиной и прелой листвой. Солнце, уже клонившееся к закату, пробивалось сквозь кроны деревьев, рисуя на поверхности воды золотистые блики.

— Ты не ловишь рыбу? — спросил Юн.

Рыбак медленно покачал головой:

— В сезон дождей рыбу нельзя тревожить.

Река была тёмной и почти неподвижной. Только круги от капель бесконечно расходились по её поверхности. Беззвучно скользили по воде опавшие листья, неся с собой шёпот уходящего лета. Воздух был пропитан запахом влажной земли и прелой листвы, создавая атмосферу таинственности и покоя.

Юн присмотрелся.

Под водой двигались карпы.

Большие, медленные, серебристо-чёрные. Они почти не шевелили плавниками и будто не плыли, а стояли внутри те-

чения. Река несла их, а они, подчиняясь ей, следовали за безмолвным потоком, не прилагая усилий. Их чешуйки, каждая, как монетка, отражали тусклый свет, пробивающийся сквозь изумрудную толщу воды, создавая призрачное мерцание.

— Почему нельзя их ловить? — тихо спросил мальчик.

Рыбак У долго молчал.

— Потому что в это время они вспоминают.

Дождь шумел по камням.

Господин Ли присел рядом с рекой и коснулся воды пальцами. Прохлада мгновенно пробежала по его руке, словно ожившая память о прошлых временах. Вода, такая чистая и прозрачная, несла в себе отблески неба и мягкий шелест прибрежной травы. Он закрыл глаза, вслушиваясь в ее негромкий говор, и почувствовал, как уходит напряжение, накопившееся за долгие годы.

— Люди думают, что память живёт в голове, — сказал он.
— Но это не так. Часть памяти всегда уходит в воду.

Юн нахмурился:

— Как это?

— Ты замечал, что некоторые реки кажутся печальными?

Мальчик не ответил. Он действительно замечал. Иногда вода выглядела так, словно знала больше, чем должна.

Карпы медленно поднимались ближе к поверхности, сверкая золотом в лучах утреннего солнца. Их чешуйки, словно сотни маленьких монет, отливали под водой, создавая завораживающее зрелище. Движения были плавными, размеренными, будто само время замедлило свой бег, чтобы полюбоваться этим грациозным танцем.

И вдруг Юну показалось, что одна из рыб смотрит прямо на него. Не как животное. Слишком спокойно. Слишком осознанно. Она почти не двигалась в тёмной воде под мостками, только медленно шевелила плавниками, удерживаясь против течения.

Мальчик невольно сделал шаг назад.

— Они узнают людей? — спросил он.

Рыбак У усмехнулся:

— Нет. Это люди иногда узнают себя в карпах.

Повисла тишина.

Только дождь.

Только река.

Только медленные тени под водой.

Потом рыбак сказал:

— Моя жена умерла в такой сезон.

Он произнёс это спокойно, будто говорил о погоде.

— После похорон я каждый день приходил сюда. И однажды увидел карпа с белым пятном над глазом. У неё там был шрам в детстве.

Юн посмотрел на господина Ли.

Но старик не выглядел удивлённым.

— И что было потом? — спросил мальчик.

— Ничего, — ответил рыбак. — Я перестал приходить с удочкой.

Ветер пронёс над рекой влажный холод. Он заставлял качаться голые ветви деревьев, срывая последние, цепкие листья, которые, словно потерянные птицы, кружили в его неистовом танце, прежде чем осесть на темную, зеркальную гладь воды. В воздухе висел запах сырой земли, прелых трав и чего-то неуловимо осеннего, предвещающего скорую зиму.

Карпы почти поднялись к самой поверхности. Их серебристая чешуя, отражая тусклый свет, пробивающийся сквозь мутную воду, казалась живой броней, готовой принять вызов. Теперь их спины иногда касались дождя.

Он вдруг почувствовал странное беспокойство. Словно невидимая нить натянулась где-то в глубине груди, вызывая глухое, неприятное предчувствие. Словно река смотрела на него слишком внимательно.

И тогда среди тёмных рыб он увидел ещё одну. Совсем неподвижную. Чёрную. Она не двигалась вместе с остальными. Просто стояла в глубине. И глаза у неё были человеческие.

Юн резко вдохнул.

Вода дрогнула.

Рыба исчезла.

— Не смотри слишком долго, — тихо сказал господин Ли.

— Почему?

Старик поднялся.

— В сезон дождей границы становятся тонкими.

Они уже собирались уходить, когда рыбак У вдруг произнёс:

— Если река однажды назовёт тебя по имени — не отвечай.

Юн обернулся.

Но старик снова молча смотрел на воду, и невозможно было понять, говорил ли он это всерьёз или просто вспоминал что-то своё.

Дождь продолжал идти. Ветви деревьев, поникшие под тяжестью влаги, казались усталыми, но в то же время величественными, каждая линия их изгибов была пропитана поэзией дождливого дня.

А под поверхностью реки медленно двигались карпы, хранящие то, о чём люди предпочитают молчать.

Глава 5. Девочка, разговаривавшая с ветром через бамбук

После дождей долина всегда звучала иначе. Утихший шум ливня, шелест капель, срывающихся с ещё мокрых листьев, сменялся многоголосым оркестром пробуждающейся жизни. Воздух становился густым, напоенным ароматами влажной земли, прелой листвы и ещё не распустившихся лесных трав. Первым своим появлением напоминали о себе лягушки — их бульканье и кваканье, поначалу робкое, затем набирало силу, сливаясь в единый хор, протянувшийся от болотистых низин до опушек леса.

Вода уходила медленно, нехотя. Земля ещё долго хранила её тяжесть, и каждый шаг по тропе отзывался влажным шорохом. Воздух становился прозрачнее, но вместе с прозрачностью приходило странное чувство — будто мир после дождя ненадолго забывал, где проходят его границы.

В одно такое утро Юн услышал музыку.

Очень тихую.

Она доносилась со стороны бамбуковой рощи за северными полями. Не флейта. Не свирель. Звук был похож на голос

ветра, случайно научившегося петь.

Юн поднял голову от ведра с водой.

— Ты слышишь? — спросил он.

Господин Ли, подметавший двор, даже не обернулся.

— Значит, Сяо опять разговаривает с ветром.

— Кто такая Сяо?

Старик чуть улыбнулся:

— Девочка, которую ветер слушает слишком внимательно.

Больше он ничего не объяснил.

После полудня Юн отправился к роще один. Солнце уже склонялось к закату, бросая длинные, причудливые тени на тропу. Воздух был напоен ароматом прелой листвы и влажной земли. Юн шел не спеша, погруженный в свои мысли, наслаждаясь уединением и тишиной, которая царила вокруг.

Тропа шла вдоль рисовых полей. Вода между зелёных

стеблей отражала облака так ясно, что временами казалось: небо находится под ногами.

Музыка становилась громче.

Теперь Юн понял, что слышит бамбук. Странная, едва уловимая мелодия, сотканная из шелеста листвы, скрипа стволов, легкого постукивания ветвей друг о друга.

Ветер проходил сквозь полые стебли, и каждый отзывался своим звуком — глубоким, высоким, дрожащим или почти человеческим.

Когда мальчик вошёл в рощу, воздух сразу стал прохладнее. Он с облегчением вздохнул, чувствуя, как спадает с плеч накопившееся за день тепло.

Свет здесь был зелёным.

Бамбук рос так густо, что небо почти исчезало за тонкими качающимися стволами. Ветер медленно двигался между ними, и вся роща тихо разговаривала сама с собой.

Сначала Юн не заметил девочку.

Она сидела на земле среди корней, прислонившись спи-

ной к бамбуку. Прохладная, шершавая поверхность стебля приятно холодила нагретую спину. Ветер шелестел в высоких, струящихся листьях, создавая умиротворяющую мелодию, словно сотканную из шелка и тайны. Воздух был напоен ароматами влажной земли, прелой листвы и едва уловимым, сладковатым запахом каких-то невиданных цветов, прячущихся в тени.

Лет десяти, может меньше. Волосы короткие и неровно обрезанные. На коленях — связка маленьких бамбуковых трубочек, перевязанных красной нитью.

Она не удивилась его появлению.

Только сказала:

— Ты слишком громко думаешь.

Юн растерялся.

— Что?

Девочка приложила палец к губам.

Потом подняла одну из трубочек и поднесла к ветру. Бамбук тихо запел. Несколько нот. Коротких. Прерывистых.

Ветер ответил шелестом листвы где-то высоко наверху.

Девочка кивнула, словно услышала что-то понятное.

— Что ты делаешь? — спросил Юн шёпотом.

— Слушаю

— Кого?

Она посмотрела на него так, будто вопрос был странным.

— Ветер

Юн сел напротив. Некоторое время они молчали.

В роще не существовало обычной тишины. Всё здесь дышало, звенело, касалось друг друга невидимыми движениями воздуха. Это было не затишье перед бурей, а скорее — живое, пульсирующее присутствие, сотканное из тысяч едва уловимых звуков. Шелест листвы, мягкое журчание ручья, едва слышимое стрекотание насекомых, далёкий крик птицы — всё это сплеталось в единую, завораживающую симфонию, создавая ощущение, будто сама природа дышит в унисон с тобой.

— Господин Ли сказал, что ты разговариваешь с ветром.

— Иногда, — ответила девочка. — Но чаще он разговаривает сам с собой.

Она снова подняла трубочку.

На этот раз звук был длиннее и печальнее.

Ветер прошёл между бамбуковыми стеблями. Ветер прошёл между бамбуковыми стеблями, разнося по лесу едва уловимый аромат влажной земли и зелени. Это было нежное, почти ласковое прикосновение, такое, что лишь едва заметно покачивались высокие, стройные стволы. Казалось, сам воздух ожил, обретя форму и движение, играя с тонкими листьями, создавая мерцающий узор теней на лесной подстилке.

И Юну вдруг показалось, будто кто-то произнёс его имя.

Очень далеко.

Он резко обернулся.

Роща качалась и шептала, будто живое существо, обмени-

ваясь тайными вестями с ветром.

Больше ничего.

— Не слушай слишком внимательно, — спокойно сказала девочка. — Иначе ветер начнёт думать, что ты хочешь ему ответить.

Юн почувствовал холодок.

— Ты тоже слышишь имена?

Она пожала плечами:

— Ветер всегда носит чьи-то голоса. Особенно после дождей.

Мальчик посмотрел на её бамбуковые трубочки.

— А это что?

— Чтобы он говорил медленнее.

Она протянула одну ему.

Тёплый бамбук пах солнцем и свежей древесиной. Его

гладкая, прохладная на ощупь поверхность словно хранила в себе воспоминания о днях, наполненных ярким светом и тихим шелестом листьев.

— Попробуй

Юн осторожно поднёс трубочку к губам и дунул.

Получился короткий неровный свист.

Девочка рассмеялась.

Не насмешливо — просто ветер внутри бамбука действительно прозвучал смешно.

— Ты слишком стараешься, — сказала она. — Бамбук не любит, когда его заставляют.

Она взяла трубочку обратно и легко повернула её в пальцах.

Ветер сам вошёл в полость.

Звук появился почти без усилия — мягкий, живой, похожий на далёкий голос за бумажной стеной.

Он смотрел на неё молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.